

Сяо Цинму цыкнул, сожалея:

— Жаль, он не ожидал, что Сяо Юаньшэн действительно осмелится убить императора, и не ожидал, что предыдущий император всё же выпьет этот яд.

Кулак Лу Цяньтана сжался так крепко, что иероглифы, которые Сяо Цинму заставлял его писать, получились кривыми и нечитаемыми.

Сяо Цинму снова укусил его за ухо и спросил:

— Знаешь, как он выпил яд?

Лу Цяньтан тяжело дышал, словно собираясь встать, и сказал:

— Я не хочу знать.

Сяо Цинму прижал его локтем к спине, не позволяя двигаться, и произнёс:

— Я — мятежник, а генерал Лу проделал долгий путь, чтобы защитить трон, но в итоге защитил того, кто убил императора и отца. Жалеешь?

Лу Цяньтан резко поднял руку, схватил его за шею и, перегнув через деревянный стул, прижал к шкафу, гневно сказав:

— Что ты имеешь в виду?

Сяо Цинму с холодным взглядом ответил:

— Ты же хотел знать? Что ещё хочешь услышать? Я сам тебе расскажу, не нужно за мной шпионить.

Лу Цяньтан не знал, как на это реагировать, и наконец сдался, глубоко вздохнув несколько раз, прежде чем сказать:

— Ты из-за этого злишься?

Сяо Цинму усмехнулся, не отвечая на его слова, и спросил:

— Этот ответ тебя устраивает?

Лу Цяньтан отпустил его, слегка растерявшись, и сказал:

— Я не потому, что сомневаюсь в тебе...

Сяо Цинму внезапно толкнул его. Лу Цяньтан не удержал равновесие и ударился о стол, едва удержавшись на ногах.

Сяо Цинму схватил его за горло, заставив поднять голову. Его губы почти касались его лица, и наконец он тихо сказал:

— Я дал тебе абсолютное доверие и терпение. Почему ты не можешь дать мне хоть немного?

Лу Цяньтан схватил его за рукав, торопливо проговорив:

— Это не так.

Сяо Цинму тихо вздохнул, провёл большим пальцем по его кадыку и сказал:

— Что ты хочешь знать? Почему не спросишь меня?

Лу Цяньтан растерянно посмотрел на него, словно не зная, что сказать, поднял голову и прижался губами к его губам, поцеловав его несколько раз. Его глаза слегка покраснели, и он произнёс:

— Князь, не злись. Я хотел узнать, чем ты болен, я тебе не не доверяю, я...

Не смею спросить.

Сяо Цинму слегка поднял бровь, его выражение стало мягче, но голос всё ещё звучал холодно:

— Что ты узнал?

Лу Цяньтан не хотел говорить, умоляюще посмотрел на него.

Сяо Цинму усмехнулся и отпустил его:

— Боишься спросить меня, боишься сказать мне?

Лу Цяньтан встал, схватил его за рукав и только пробормотал:

— Не злись.

Сяо Цинму слегка улыбнулся, сел и сказал:

— Нет ничего, что нельзя было бы сказать. Если хочешь знать, спроси меня, не делай того, что вызывает гнев.

Лу Цяньтан присел рядом с ним и произнёс:

— Я боюсь слушать, как князь сам рассказывает.

Сяо Цинму с лёгким недоумением нахмурился:

— Чего ты боишься?

Лу Цяньтан с влажными глазами ответил:

— Мне очень больно за тебя.

Сяо Цинму посмотрел на него некоторое время, усмехнулся и сказал:

— Дерево наконец-то зацвело.

Лу Цяньтан опустил голову и сказал:

— Князь сегодня несправедливо обвинил меня.

Сяо Цинму усмехнулся:

— Ты долго за мной следил, а я только сегодня решил с тобой разобраться. Как это несправедливо?

Лу Цяньтан промолчал, затем поднял голову и спросил:

— Будем ещё писать?

Сяо Цинму погладил его по щеке и сказал:

— Ты рядом со мной, а я переписываю «Канон чистоты и покоя». Это не очень уместно, правда?

Лу Цяньтан надулся:

— Я с семи лет учился у своего учителя, помню только, что родители учили меня писать, но уже не помню, как. Потом больше не было, а учитель письма ещё и бил.

Лу Цяньтан протянул ему руку:

— Как князь стучал по моей руке палочками, так и он бил меня указкой.

Сяо Цинму...

Сяо Цинму встал со стула, посадил его на него, взял его руку и сказал:

— Хорошо, перепишем «Канон чистоты и покоя», четвёртый князь будет держать твою руку.

И они снова начали писать слово за словом, оба молчали. Когда они дошли до конца «Канона чистоты и покоя», Лу Цяньтан вдруг сказал:

— У меня есть несколько рукописей, оставленных моим отцом. В одной из них он говорил, что все живые существа достойны уважения и страха, и кто бы ни был хозяином или слугой, всё должно быть спокойно и гармонично.

Лу Цяньтан поднял на него взгляд и произнёс:

— Я, вероятно, никогда не сравнюсь с широтой души маркиза Динбэй — кто владеет страной, для меня не имеет значения. Если страна спокойна, я буду её защищать, если она в смятении, я могу сражаться. Я буду стоять за то, что считаю правильным, а всё остальное окажется за пределами моих предпочтений.

Сяо Цинму улыбался всё шире и сказал:

— Я думал, что для генерала главное — железная дисциплина, а ты всё ещё действуешь по настроению.

Лу Цяньтан тоже улыбнулся, слегка наклонился к нему и шепнул:

— Отныне князь будет моей железной дисциплиной.

Сяо Цинму с огромным удовольствием помог ему дописать весь «Канон чистоты и покоя», с чувством выполненного долга встал и спросил:

— Закончили. Ты доволен?

Лу Цяньтан аккуратно высушил чернила, поднял на него взгляд и сказал:

— Доволен. Князь, могу я забрать эту бумагу?

Сяо Цинму цыкнул:

— Вечно тебе нужны какие-то странные вещи. Разве я так строг с тобой?

Лу Цяньтан улыбнулся, аккуратно сложил высохший лист и сказал:

— Мне это нравится, подари мне его.

Сяо Цинму провёл пальцем по его шее и сказал:

— А что ты мне дашь?

Лу Цяньтан на мгновение замер, но быстро понял и, подняв руки, обнял его за шею, подарив долгий поцелуй, после чего с выражением, ожидающим награды, посмотрел на него.

Сяо Цинму не смог сдержать улыбку:

— Такой послушный. Князь научит тебя чему-то ещё — хочешь?

Лу Цяньтан с недоумением посмотрел на него:

— Чему учить?

Сяо Цинму медленно приблизился к нему, загадочно прошептал:

— Четвёртый князь научит тебя рисовать, нарисуем весеннюю сливу, хорошо?

Лу Цяньтан инстинктивно почувствовал что-то неладное, но прежде чем он успел отказаться, его схватили и прижали к столу.

Сяо Цинму снял с него кожаный пояс, с невероятной ловкостью связал ему руки и прижал их к голове. Летом одежда была тонкой, и при этом движении одежда Лу Цяньтана расстегнулась, обнажив его грудь, которая тяжело вздымалась.

Лу Цяньтан слегка заёрзал, слегка растерянно сказав:

— Князь, почему ты вдруг напал?

Сяо Цинму провёл пальцем по его кадыку, медленно поднялся и с угрозой в голосе произнёс:

— В прошлый раз мы что-то не закончили. Мой маленький генерал не собирается мне это компенсировать?

Лу Цяньтан слегка запрокинул голову, увидев его руку перед лицом, и тут же укусил за указательный палец, не отпуская.

Сяо Цинму использовал палец, чтобы надавить на его язык, и сказал:

— Ты же не сможешь откусить мой палец, так что укус бесполезен.

Лу Цяньтан смягчил взгляд, отпустил его и слегка лизнул след от укуса, сдаваясь:

— Князь сказал, что будет рисовать весеннюю сливу, а мои руки связаны. Как я могу учиться?

Сяо Цинму взял его за подбородок, беззастенчиво сказав:

— Ты испачкал мою бумагу, что будем делать?

Лу Цяньтан с недоумением посмотрел вниз и увидел, что стол в полном беспорядке. Листы бумаги, разбросанные из-за их движений, валялись повсюду, а некоторые даже попали в чернильницу.

Лу Цяньтан вздохнул:

— Это ведь не моя вина.

Сяо Цинму с сожалением произнёс:

— Чья вина — не важно. Важно то, что сейчас нет бумаги, и я могу рисовать только на тебе.

Лу Цяньтан был в шоке, резко дёрнулся:

— Что за... Это что за рисование!

Сяо Цинму усмехнулся, левая рука всё ещё крепко держала его запястье, и он прошептал ему на ухо:

— Ты сам напросился, а теперь ещё и жалуешься?

Лу Цяньтан смягчил голос:

— Князь, давай в другой раз. Я обязательно научусь, не рисуй на мне.

Четвёртый князь сделал вид, что не слышит, взял новую кисть и, держа её над его грудью, словно выбирал, с чего начать.

Лу Цяньтан почувствовал, как по нему пробежал холодок, понял, что нельзя просто сидеть сложа руки, и попытался ударить его ногой, но Сяо Цинму быстро отреагировал, зажал его ногу под своим коленом и прижал к краю стола.

Сухая кисть прошла от его горла до пупка. Лу Цяньтан не выдержал и попытался уклониться, но единственная свободная нога непроизвольно обвилась вокруг талии князя Цзиня.

Лу Цяньтан испугался этого мучительного щекотания, его тело дрожало, а дыхание становилось всё чаще.

<http://bllate.org/book/16145/1446038>